

ПСИХОЛОГИЯ

УДК 159.9

В. А. Мазиллов

Внутренний мир человека как предмет психологической науки

В статье отмечается, что настроения в психологическом сообществе выражаются в отрицании перспектив развития психологии как науки. Утверждается, что подобные настроения определяются тем, что не решена проблема предмета психологии. Статья посвящена проблеме предмета психологии. Сама история психологии рассматривается как история поисков подлинного предмета психологии. Констатируется, что современные трактовки предмета не в полной мере соответствуют сложности задач, стоящих перед психологией. Предлагается версия трактовки предмета научной психологии как внутреннего мира человека. Вопросы, связанные с изменением трактовки предмета психологии, обычно воспринимаются как «революционно-перестроечные». Обратим внимание на то, что в нашем случае ничего подобного не происходит: никаких манифестов, никаких ниспровержений не предусмотрено. Более того, трактовка совокупного предмета как внутреннего мира человека подчеркивает его целостность, но утверждает наличие во внутреннем мире различных гетерогенных структур. Таким образом, утверждается принципиальный тезис, что внутренний мир человека – сложное образование. В этом моменте формулируемый подход означает категорический разрыв с той традицией, которая, по крайней мере со Средних веков, утверждает, что душа (психика) есть простая вещь, познающая себя и другие вещи.

Удивительно, но психологические школы и направления, включая современные, следовали этому древнему, но весьма спорному учению. Отсюда, кстати, следует, что неявно предполагается, будто метод изучения тоже должен быть простым. Мир сложен, поэтому и методы его исследования используются разные – в зависимости от того, какая часть мира исследуется. Стоит подчеркнуть, что чаще всего речь идет о комплексе методов, их сочетании. Иными словами, используются методы как из арсенала естественно-научной психологии, так и из герменевтики. Обычно при определении предмета используют (история психологии изобилует примерами такой технологии) следующий ход: декларируя тот или иной предмет, в дальнейшем рассмотрении осторожно заменяют его на «единицу», данный предмет представляющую. В итоге из психологии фактически исчезает совокупный предмет. В рассматриваемом случае внутренний мир человека представляет собой совокупный предмет (психе как целое), который в процессе рассмотрения подвергается анализу. В статье раскрывается трактовка предмета, анализируются преимущества данного подхода. Утверждается, что трактовка предмета психологии как внутреннего мира человека позволяет решить многие проблемы, накопившиеся в общей психологии.

Ключевые слова: методология, психология, наука, предмет науки, объяснение, внутренний мир человека.

PSYCHOLOGY

V. A. Mazilov

The Person's Inner World as a Subject of Psychological Science

In the article it is noted that moods in the psychological community are expressed in denial of prospects of development of psychology as a science. It is claimed that similar moods are defined by the fact that the psychology subject problem is not solved. The article is devoted to the psychology subject problem. The psychology history is considered as history of search of the psychology original subject. It is noted that modern interpretations of the subject do not fully correspond to complexity of the tasks facing psychology. The interpretation version of the scientific psychology subject as the person's inner world is offered. The questions concerning the change of interpretation of the psychology subject are usually perceived as «revolutionary and reforming». We would like to pay attention that in our case nothing similar occurs: no manifestos, no overthrows are provided. Moreover, the interpretation of the cumulative subject as the person's inner world emphasizes its integrity, but approves existence of various heterogeneous structures in the inner world. Thus, the basic thesis is claimed that the person's inner world is difficult. In this moment the formulated approach means a categorical gap with that tradition which, at least, since the Middle Ages claims that soul (mentality) is a simple thing learning itself and other things. Surprisingly, but psychological schools and directions, including modern, followed this ancient, but very controversial doctrine. It means, by the way, that it is implicitly supposed as if the studying method is to be simple too. The world is difficult therefore also methods used for its research are different – depending on what part of the world is investigated. It is worth emphasizing that most often they say about a complex of method, their combination. In other words, they use methods both from the natural-science psychology arsenal, and from a clip of hermeneutical methods. Usually when determining the subject they

use (the psychology history is full of examples of such technology) the following way: declaring this or that subject, in further consideration carefully replace it with «unit», representing this subject. As a result the cumulative subject actually disappears from psychology. In the case under consideration the person's inner world is a cumulative subject – psyche as a whole – which in the course of consideration is analysed. In the article the interpretation of the subject is presented, advantages of this approach are analyzed. It is claimed that the interpretation of the psychology subject as the person's inner world allows solving many problems, which are in general psychology.

Keywords: methodology, psychology, science, science object, explanation, the person's inner world.

Психологическое сообщество, как представляется, очень быстро забыло о той «методологической несвободе», которая имела место в советской психологии. Методология была директивной, аподиктической, предписывалось неукоснительное следование жестко сформулированным методологическим принципам. Одним из положений официальной методологии был тезис о единой психологической науке, принципы которой и составляли основное содержание методологии: общая психология представляет «ядро» психологии, вокруг которой группируются ее отрасли. В 1970-е гг. обсуждался тезис, вызывавший тогда жаркие дискуссии, – как должна развиваться психология: «в ствол» или «в куст». Характерно, что само единство психологии в те времена под сомнение не ставилось – оппоненты были в этом вопросе единодушны.

Констатируем, что с тех пор многое изменилось. Изменились социокультурные условия, изменилась психология, изменились и сами психологи. И конечно, наступила вожаемая свобода. ...И даже образец для подражания: известный лозунг П. Фейерабенда, согласно которому «дозволено все» («anything goes»). Каждый ученый может создавать свою концепцию и защищать ее любыми возможными способами. Никаких регламентирующих правил нет.

Поскольку существует вышеупомянутая свобода, каждый волен высказывать свое мнение, сколь бы экзотичным оно ни показалось. Как говорил небезызвестный политик, пусть цветут сто цветов.

По прогнозам лидеров психологической науки могут быть определены проблемы, которые будут актуальными в ближайшие десятилетия [1]. Отметим, что такие прогнозы очень важны для развития науки, можно только приветствовать проведение такого рода исследований. Однако высказываются и другие, куда менее оптимистичные суждения.

В. Ф. Петренко отмечает: «...нет единой психологической науки, а есть скорее конгломерат наук с разными объектами и методами исследования, называемый одним именем – «психология». И ряд областей психологии, например, социальная

психология, гораздо ближе к языку и методам к родственным научным дисциплинам, например, к социологии, чем к психофизике или медицинской психологии. Вполне возможно, что в дальнейшем из «психологии» выделится целый букет предметных наук, как в свое время из философии выделились физика, химия, биология и сама психология» [12, с. 93].

Пока этого еще не произошло, рассмотрим типичную аргументацию, которая приводится в обоснование позиции, что психологии как единой науки нет и она в принципе и не нужна. Поскольку взгляды такого рода выражаются все более часто, необходимо определить к ним свое отношение.

Как ни странно, высказываются, в частности, такие тезисы:

- название «психология» не выражает современного состояния этой научной области;
- полноценной науки о психике так и не появилось;
- пройденный исторический путь случаен, и гордиться там нечем;
- прошлое психологической науки недостойно, чтобы на него ссылаться и к нему апеллировать;
- психологии как единой дисциплины не существует, существует множество различных исследовательских подходов.

Попробуем в этом разобраться. Конечно, основания для таких суждений есть, психология ныне весьма далека от идеала. Конечно, здесь вопрос вкуса. Как говорил Сергей Сергеевич Паратов в «Бесприданнице» А. Н. Островского, «у всякого свой вкус: один любит арбуз, а другой – свиной хрящик». Но проблема, связанная со свободой, все же существует. Конечно, никто не хочет запретить любить, скажем, свиной хрящик. А состоит проблема, на наш взгляд, в том, что любое высказанное, тем более опубликованное, мнение приобретает силу. Для прояснения ситуации обратимся к концепции самоисполняющихся пророчеств («self-fulfilling prophecy»), предложенной известным социологом Робертом Мертоном еще в 1948 г. [17]. Психологам ли не знать, что наши ожидания по большей части оправдыв-

ваются? Исследования показали, что эффект Пигмалиона, несомненно, существует... Не учитывать этого феномена при определении судьбы науки, мягко говоря, не вполне дальновидно.

Наше мнение на это счет таково. Будущее психологии светло и прекрасно, что соответствует высказываниям многих выдающихся представителей этой науки. Психология – несомненно, фундаментальная наука. И наука будущего тоже. И она таковой станет, когда будут выполнены некоторые условия. О некоторых из них будет сказано в тексте настоящей статьи.

Прошла половина тысячелетия с той поры в начале XVI в., когда Марко Марулич (1450–1524) придумал термин «психология». Это было одно из самых удачных изобретений в истории этой замечательной науки: термин прижился, хотя случались попытки отказаться от его использования. Представляется, это уже навсегда: как бы ни менялись в будущем взгляды на предмет психологии, название это сохранится, так как прекрасно отражает суть этой науки. Поэтому никакие кризисы психологии не страшны: вся история этой науки – это не только утраты, но и поиски и обретения подлинного предмета, который охватил бы все аспекты этого самого сложного и труднопостижимого феномена из всех «пространств мира»...

В психологии накоплено огромное количество разнообразного материала: теории и концепции разного уровня, гипотезы и обобщения, материалы многочисленных исследований. Реальное богатство материалов, которым располагает психология, не осознается представителями сообщества, в первую очередь потому, что колоссальный массив данных воспринимается как недостаточно упорядоченный, соотнесенный, организованный. Представляется, что выполнено мало обобщающих работ, в которых было бы показано сходство многих проведенных исследований. Короче говоря, отсутствует необходимый методологический анализ накопленных знаний, что выступает существенным препятствием на пути интеграции в психологии.

Взгляд на эволюцию психологии на протяжении двадцатого столетия, и особенно в последние десятилетия, позволяет заключить, что в психологии наблюдается значительный прогресс. Прогресс, связанный, в первую очередь, с тем, что становится все более понятно: развитие психологии происходит закономерно, от простых одномерных моделей психического ко все более

сложным, более адекватно отражающим специфику психической реальности.

В свете такой перспективы пройденный психологией путь не воспринимается случайным, он отмечен вехами значимых достижений, отрицать которые было бы неправильно.

Как поняли еще древние греки, психе (или псюхе) – это именно то, что нас интересует. Психе – объект и главная загадка. И нет никакого резона от этого отказываться. Или, если угодно: «В сущности нас интересует в жизни только одно – наше психическое содержание. Его механизм, однако, и был, и сейчас еще опутан для нас глубоким мраком. Все ресурсы человека: искусство, религия, литература, философия и история науки – все это объединилось, чтобы пролить свет в эту тьму. Но в распоряжении человека есть еще один могучий ресурс – естествознание с его строгими объективными методами» [11, с. 255]. Если кто-то не узнал цитату, она из Нобелевской лекции великого психолога Ивана Петровича Павлова.

Другое дело, что пониматься, трактоваться и рассматриваться психе может существенно по-разному.

Психология как самостоятельная наука очень молода, ее становление как научной дисциплины еще не завершилось. Научная психология, первые свидетельства о возникновении которой появились во второй половине XIX столетия, имеет многовековую предысторию развития в недрах философии и естествознания. Научная психология в настоящее время чрезвычайно далека от финальности: только начинают обсуждаться проекты, осуществление которых может привести к тому, что психология превратится в фундаментальную науку. Здесь не время и не место описывать возможные трансформации, которые должны произойти с психологией при ее становлении действительно фундаментальной наукой: для этого потребовался бы значительный объем. Остановимся в данной статье лишь на одной характеристике этой грядущей трансформации. Речь идет о предмете психологии.

История психологии – история поисков предмета психологии. Как справедливо отмечено в «Британской энциклопедии», «...бедная, бедная психология. Сперва она утратила душу, затем психику, затем сознание и теперь испытывает тревогу по поводу поведения» [16, с. 482]. Вместе с тем все эти утраты можно рассматривать и как обретения, поскольку движение к более глубокому пониманию психического есть явный

прогресс: вместе с каждой утратой очередного предмета становится ясно, что, конечно же, психическое есть только что «утраченное», но и, несомненно, нечто сверх того. Поэтому правомерен взгляд на историю психологии как на обретение наукой своего подлинного предмета. По-настоящему фундаментальной наукой психология станет, когда начнет рассматривать психику в ее полном объеме. Для этого неизбежно придется отказаться от мешающих психологии свободно развиваться чужих парадигм (естественно-научной или гуманистической) и вспомнить о том, что психика представляет собой уникальный научный объект и предмет, к постижению которых вряд ли приложимы в полной мере способы познания, выработанные в других науках.

Среди методологических вопросов психологии важное место занимает проблема определения предмета психологии. Проблема тем более важна, что в наше время распространено мнение о превращении психологии в совокупность малосвязанных между собой дисциплин, поэтому обсуждение вопроса о предмете психологии в целом является излишним. Процессы дифференциации вполне заметны, оспаривать их наличие не приходится. Однако было бы неверно игнорировать и явно выраженные тенденции интеграции. Не стоит забывать о наличии третьего мира (по К. Попперу), который, по нашему мнению, представляет собой реальный механизм самоосуществляющихся прогнозов, упоминаемых Р. Мертоном. Иными словами, если мы будем считать психологию набором не сообщающихся дисциплин, она превратится в траву-ковыл, но если мы будем относиться к психологии как к развивающейся фундаментальной науке, со временем она такой и станет. Про траву – возможно, лишнее, но еще живо в памяти, как наши учителя спорили о пути развития психологии – в «ствол» или в «куст». Теперь ясно, что они были большими оптимистами.

Вся история психологии представляет собой историю поисков предмета психологии. Рассуждениями о поисках подлинного предмета психологии пронизаны только что опубликованные записные книжки Л. С. Выготского [2]. Теоретический анализ предмета предполагает, в первую очередь, выявление функций, которые должен выполнять предмет психологической науки, а также его основные характеристики. Представляется, что речь может идти о следующих функциях [10]:

1. Конституирование науки. Это главная

функция предмета. Именно понятие предмета науки делает возможным существование какой-то области знания в качестве самостоятельной научной дисциплины, независимой и отличной от других.

2. Обеспечение работы «машины предмета». Имеется в виду, что предмет должен обеспечивать возможность движения в предметном поле психологической науки и за счет внутрипредметных соотношений и исследовательских процедур производить рост предметного знания.

3. Обеспечение функции предметного «операционального стола» (М. Фуко), который позволял бы реально соотносить результаты исследований, выполненных в разных подходах и школах.

4. Дидактическая функция, связанная с построением содержания учебных предметов.

Назовем основные характеристики предмета [7]:

1. Предмет должен существовать реально, не быть «искусственно» сконструированным (для того, чтобы быть предметом науки в подлинном смысле слова), то есть он должен быть не свойством каких-то других предметов, а исследоваться должна психическая реальность (иными словами, предмет должен иметь онтологический статус).

2. Предмет должен быть внутренне достаточно сложным, чтобы содержать в себе сущностное, позволяющее выявлять собственные законы существования и развития, а не сводить внутренне простое психическое к чему-то внеположному, обеспечивая тем самым редукцию психического.

3. Понимание предмета должно быть таково, чтобы позволить разрабатывать науку психологию по собственной логике, не сводя развертывание психологических содержаний к чуждой психологии логике естественного или герменевтического знания.

Представляется очевидным, что для осуществления этих функций требуется не формальное определение предмета как идеи, а совокупное содержание – то, что мы называем совокупным предметом. По нашему мнению, предметом научной психологии целесообразно считать внутренний мир человека. Может показаться, что в такой трактовке предмета ничего принципиально нового нет и она уже встречалась в истории психологической науки. Здесь не место для исторического экскурса о трактовках предмета психологии в историческом аспекте. Оставим разработку этого сюжета для отдельной работы. Здесь же подчеркнем, что приоритет в разработке

проблемы внутреннего мира как психологического образования в новейшей российской истории психологии принадлежит В. Д. Шадрикову [14]. Он же предложил рассматривать внутренний мир как конкретное наполнение концепта «предмет психологии» [13]. Рассматривать внутренний мир человека в качестве предмета психологии предлагалось также в учебнике «Общая психология» [6]. Отметим, что в этом издании идея не была реализована сколь-нибудь полно, поскольку содержание курса общей психологии излагалось в традиционном ключе.

Был подготовлен и издан учебник для психологов и студентов гуманитарных направлений и специальностей [15]. При подготовке данного учебника было использовано новое понимание предмета психологии как внутреннего мира человека. Особенно стоит подчеркнуть, что данный вариант презентации понимания предмета представляется достаточно конструктивным. В учебнике предмет «внутренний мир человека» не только декларируется, но и максимально эксплицирован: из дидактических соображений максимально полно представлена внутренняя архитектура предмета. Отметим, что это, как ни удивительно, новый для психологии способ определения предмета. Поясним этот тезис, который может показаться сомнительным. Обычно при определении предмета используют (история психологии изобилует примерами такой технологии) следующий ход: объявляя тот или иной предмет, в дальнейшем рассмотрении заменяют его на «единицу», данный предмет представляющую. В итоге из психологии фактически исчезает совокупный предмет. В рассматриваемом случае внутренний мир человека представляет собой совокупный предмет (психе как целое), который в процессе рассмотрения подвергается анализу. Обратим внимание на то, что в этом случае психология обретает перспективу нередуктивного объяснения, ибо впервые пожелание Э. Шпрангера становится реальным – объяснять психическое через психическое. Можно сказать, что в настоящем подходе реализован научный идеал, выраженный В. Дильтеем, о психологии описательной, понимающей и расчленяющей. Во всяком случае, характеризуя внутренний мир человека, авторы пытались не разрушать «одушевляющие связи». Поскольку в этих текстах достаточно развернуто продемонстрировано, как внутренний мир может пониматься и трактоваться в соответствии с нашей версией, можно ограничиться лишь несколькими характеристиками¹.

Хочется сделать еще пару замечаний методологического плана, связанных с вопросом о предмете психологии. Вопросы, связанные с изменением трактовки предмета психологии, обычно воспринимаются как «революционно-перестроечные». Обратим внимание на то, что в нашем случае ничего подобного не происходит: никаких манифестов, никаких ниспровержений не предусмотрено. Более того, трактовка совокупного предмета как внутреннего мира человека подчеркивает его целостность, но утверждает наличие во внутреннем мире различных гетерогенных структур. Таким образом, утверждается принципиальный тезис, что внутренний мир человека сложное образование. В этом моменте формулируемый подход означает категорический разрыв с той традицией, которая, по крайней мере со Средних веков, утверждает, что душа (психика) есть *простая* вещь, познающая себя и другие вещи. Удивительно, но психологические школы и направления, включая современные, следовали этому древнему, но весьма спорному учению. Отсюда, кстати, следует, что неявно предполагается, что метод изучения тоже должен быть *простым*. Нам это также представляется недоразумением и анахронизмом: очевидно, что мир сложен, поэтому и методы его исследования используются разные – в зависимости от того, какая часть мира исследуется. Поэтому, говоря о методах, стоит подчеркнуть, что чаще всего речь идет о комплексе методов, их сочетании. Иными словами, используются методы как из арсенала естественно-научной психологии, так и из обиходных герменевтических методов.

В учебнике рассмотрено понятие «внутренний мир человека», показано, что он отражает бытие человека и формируется в процессах жизнедеятельности. Развиваясь в деятельности и поступках, он характеризуется функциональностью и оперативностью. Все психические процессы во внутреннем мире протекают одновременно на двух уровнях: сознательном и бессознательном. Внутренний мир, с одной стороны, един с внешним миром, с другой – независим от него. Внутренний мир, порождаемый как функциональное отражение внешнего мира, представляет собой целостный идеальный мир. Это живой мир, так как он порождается потребностями человека и пронизан переживаниями. С позиции внутреннего мира хорошо объясняются многие проблемы, которые решает психология [15].

Как справедливо отмечает Д. А. Леонтьев, человека можно рассматривать одновременно как

природный объект, индивидуальность, а с другой – как личность, которая имеет внутренний мир, характеризующийся через его содержание и через те взаимодействия, в которые надо вступить с миром, чтобы позволить ему раскрыться [5]. Биологической основой, реализующей структуру внутреннего мира, является физиологическая функциональная система поведения, в которой выделяются и морфологически фиксируются отдельные отделы нервной системы человека, и прежде всего головного мозга [15]. И если внутренний мир человека может существовать относительно самостоятельно от внешнего мира, то он не может быть отделен от человека. Внутренний мир, как мы уже отмечали, возникает через восприятие субъектом его собственных потребностей и переживаний, и в дальнейшем своем существовании он неотделим от потребностей и переживаний конкретного человека. Проживание жизни (с внутренней стороны) и есть поток изменений внутреннего мира, в каждый момент жизни, вплетенный в реальные действия и поступки, обеспечивающий эти действия и поступки. На основе сказанного можно заключить, что внутренний мир человека – это живой мир [15].

На этом, собственно говоря, можно было бы и закончить, поскольку отсылка к текстам позволяет завершить обсуждение. Однако к сказанному хочется добавить несколько дополнительных суждений, касающихся перспектив данного подхода:

1. В значительной степени преодолевается двойной функционализм, при котором психические процессы рассматриваются как изолированные друг от друга; в свою очередь, процессы рассматриваются обособленно от качеств личности. Как можно полагать, функционализм психологии, характерный и для современной науки, в значительной мере преодолевается: отдельные функции и личностные качества находят свое место и гармонично соотносятся в рамках внутреннего мира человека.

2. Известный советский психолог П. Я. Гальперин, как мы помним, видел истоки методологического кризиса психологии в том, что она не смогла преодолеть дуализм: «Подлинным источником “открытого кризиса психологии” был и остается онтологический дуализм – признание материи и психики двумя мирами, абсолютно отличными друг от друга. Характерно, что ни одно из воинствующих направлений периода кризиса не подвергало сомнению этот дуализм. Для этих направлений материальный про-

цесс и ощущение, материальное тело и субъект оставались абсолютно – *toto genere* – разными, несовместимыми, и никакая эволюция не может объяснить переход от одного к другому, хотя и демонстрирует его как факт. И в самом деле, если мыслить их как абсолютно противоположные виды бытия, то этот переход действительно понять нельзя» [3, с. 3]. П. Я. Гальперин полагал, что «с точки зрения диалектического материализма все обстоит иначе» [3, с. 3]. Диалектическому материализму, как сейчас понятно, тоже не удалось решить главные методологические вопросы психологии. Описываемый подход, при котором психические явления обретают надежную нейробиологическую основу, как представляется, позитивен, поскольку в этом случае, по крайней мере, удастся избежать редукционизма и физиологизма.

3. Реализация широкой трактовки предмета позволяет сформулировать подход, который, насколько можно сейчас об этом судить, будет способствовать улучшению взаимопонимания между академической и практической психологиями [8, 9], что представляется важной и пока что не решенной задачей современной психологии.

4. Представляется, что нуждается в комментарии сам выбор ключевого термина – внутренний мир. Известно, что в научном исследовании бывает важным то, с какими понятиями будет соотноситься исследуемое. В данном случае полезно вспомнить о древней традиции: нельзя исключать, что аналогии будут полезны и сегодня. Хочется вспомнить о той традиции, которая была заложена еще Демокритом.

Демокрит (ок. 460 – ок. 370 до н. э.), древнегреческий философ, как представляется, был первым, кто использовал понятие микрокосма. Микрокосм или микрокосмос (от греч. *μικρός*, малый, и от греч. *κόσμος*, порядок, мир, вселенная) – в античной натурфилософии понимание человека как вселенной (макрокосм) в миниатюре. Понятие «космос» было введено, насколько можно судить, Пифагором (570–490 до н. э.). Эта концепция известна во многих мистических учениях и служит основой для разнообразных теорий, согласно которым процессы, происходящие внутри человека, аналогичны вселенским процессам и подчиняются тем же самым законам.

В греческой культуре соответствие между микро- и макрокосмом было общепринятым и очевидным. «Считалось, что человек является Вселенной в миниатюре, то есть микрокосмом. В

нем действуют те же силы, что и во всем Космосе. До нас дошел этот закон словами из Библии: “И сотворил Бог человека по образу Своему, по образу Божию сотворил его” (Быт., I, 27) и через слова, приписываемые Гермесу Трисмегисту (IV–III вв. до н. э.): “Как наверху, так и внизу”. Поэтому в те далекие времена, которые мы рассматриваем, к словам “познай самого себя” добавлялись “как часть мира, и мир как часть самого себя”. Позднее последняя часть в среде Великого Среднего, так будем называть людей, которые не стремятся познать Истину, и таких большинство, была отброшена как ненужная из-за непонимания необходимости этого дополнения. В этом выражении уже было заложено огромное знание: познать себя как микрокосм можно только при изучении трех миров: себя как человека; своего внутреннего мира и так называемого мира органической жизни или биосферы Земли, как сейчас называют ученые, куда входят люди, звери и растения. Это объяснялось тем, что некоторые законы, которые действуют в человеке, можно легче изучить в двух окружающих человека мирах» [4, с. 3–4]. Не исключено, что современной психологии стоит прислушаться к идеям, высказанным еще в античности, тем более, что для возрождения этих идей могут найтись основания.

5. Как уже упоминалось, внутренний мир человека представляет собой психическую реальность, имеющую внутреннюю архитектуру. Это естественный объект, представляющий собой систему. Исследование такого объекта – классический вариант системного подхода, точнее содержательного системного подхода. Известно, что различные совокупные предметы имеют различный потенциал и перспективы в плане психологического исследования. Совокупный предмет определяет собой рамки и границы психологии. Следует специально подчеркнуть, что это важнейший для психологии вопрос. Дело в том, что предметное пространство психологии должно представлять собой целостность, позволяющую организовать конструктивную исследовательскую работу, и далеко не каждое широкое психологическое понятие может претендовать на то, чтобы представить собой совокупный предмет.

Примером крайне неудачного определения совокупного предмета психологии, как известно из истории психологии, может явиться «сознание». При этом причины неудач на этом исследовательском пути часто остаются без необходимого методологического анализа. Проблема в том, что

сознание человека явно не представляет собой целостность, способную к «самодвижению» (выражаясь языком философов). Попробуем пояснить этот совсем не простой вопрос.

Как известно, сознание представляет собой вырванный из ткани души «кусочек душевного аппарата». И поскольку граница между сознанием и бессознательным крайне нечетка, это провоцирует исследователей на бесконечное выяснение, где эта граница и как они – сознание и бессознательное – должны соотноситься. «Кровотокающий» след делает неизбежным обращение именно в эту сторону. С фрейдовских времен хорошо известно, что наличие предсознательного делает эту границу принципиально рыхлой, а противопоставление сознательного и бессознательного приводит в тупик. Сознание, как можно полагать, не та целостность, на которой можно конструктивно строить науку. Отметим, что ситуация усугубляется, когда совокупный предмет психологии оказывается оторванным от его физиологической основы (как неизбежно происходит в случае с сознанием). Стойкое желание соотнести сознание и мозг упирается в известные варианты решения психофизиологической проблемы, что абсолютно не продвигает нас на пути постижения законов психики, которые исследователя интересуют в первую очередь.

Не лучше оказывается вариант, когда предметом психологической науки объявляется психика. Ассоциации, которые существуют у психологов, подсказывают, что психика должна трактоваться процессуально – как процесс, протекающий здесь и сейчас. Процессуальное понимание психики не позволяет понять, как функционируют устойчивые психологические характеристики человека – свойства, которые характеризуют личность и индивидуальность человека...

Впрочем, из истории психологии также известно, что обстоятельства выделения психологии в самостоятельную науку были таковы, что ценой, которую психология заплатила за свою научность и самостоятельность, стало ограниченное понимание ее предмета: с одной стороны, сказалось противопоставление физиологии (в результате психическое утратило «энергетические» определения), с другой – разделение психики на «высшую» и «низшую» лишило ее неразрывной связи с миром культуры (в результате психическое в значительной степени утратило характеристики «духовного») [9, 10]. Возможно, само выделение было преждевременным. Представляется поразительным, что многие из этих

ограничений сохраняются и в современной психологии. Видимо, необходим специальный методологический анализ, но это, безусловно, задача специальной работы. Полагая в качестве предмета внутренний мир человека, мы получаем возможность избежать попадания в тупики, о которых было сказано выше.

6. Одной из важнейших для предмета психологии является выполнение функции «операционального стола» (М. Фуко), позволяющего производить операции с содержанием, соотносить различные версии психологических концептов и понятий. Представляется, что реализуемый проект позволяет проводить последовательную линию на описание общей психологии как целостной и непротиворечивой науки, что не мешает демонстрировать множественность подходов и психологических теорий. Обратим внимание, что в этом случае у изучающего – будь то студент или практик – пробуждается уважение к общей психологии, поскольку она действительно предстает как целостная наука, хотя и характеризующаяся множественностью подходов и нерешенных вопросов.

Библиографический список

1. Журавлев, А. Л., Нестик, Т. А., Юревич, А. В. Прогноз развития психологической науки и практики к 2030 г. [Текст] / А. Л. Журавлев, Т. А. Нестик, А. В. Юревич // Психологический журнал. – 2016. – Том 37. – № 5. – С. 55–74.
2. Записные книжки Л. С. Выготского. Избранное (2017) [Текст] / под ред. Е. Ю. Завершневой и Р. ван дер Веера. – М. : Канон +, 2017. – 608 с.
3. История психологии: период открытого кризиса: Тексты [Текст] / под ред. П. Я. Гальперина, А. Н. Ждан. – М. : МГУ, 1992. – 364 с.
4. Лавский, В. В. Вступление [Текст] / В. В. Лавский // Античная мудрость. – Ростов н/Д : Феникс, 2010. – С. 3–21.
5. Леонтьев, Д. А. Личность как преодоление индивидуальности: контуры неклассической психологии личности [Текст] / Д. А. Леонтьев // Психологическая теория деятельности: вчера, сегодня, завтра / Под ред. А. А. Леонтьева. – М., 2006. – С. 134–147.
6. Мазиллов, В. А. Предмет и задачи психологии [Текст] / В. А. Мазиллов // Общая психология : учебник / под ред. А. В. Карпова. – М. : Гардарики, 2002. – С. 5–23.
7. Мазиллов, В. А. О предмете психологии [Текст] / В. А. Мазиллов // Методология и история психологии: Научный журнал. – Т. 1. – Вып. 1. – 2006. – С. 55–72.
8. Мазиллов, В. А. Психология академическая и практическая: Актуальное сосуществование и перспективы [Текст] / В. А. Мазиллов // Психологический журнал. – 2015. – Том 36. – № 3. – С. 87–96.
9. Мазиллов, В. А. Предмет психологии: версия для XXI века [Текст] / В. А. Мазиллов // Вестник интегративной психологии. – 2017. – № 1. – С. 16–23.
10. Мазиллов, В. А. Научная психология: проблема предмета [Текст] / В. А. Мазиллов // Труды Ярославского методологического семинара. – Том 2: Предмет психологии / под ред. В. В. Новикова, И. Н. Карицкого, В. В. Козлова, В. А. Мазилова. – Ярославль : МАПН, 2004. – С. 207–225.
11. Павлов, И. П. Нобелевская лекция [Текст] / И. П. Павлов // Ноздрачев А. Д. И. П. Павлов – первый нобелевский лауреат России. – Том 1: Нобелевская эпопея Павлова / А. Д. Ноздрачев, Е. Л. Поляков, К. Д. Зеленин, Е. А. Космачевская, Л. И. Громова, В. К. Болондинский. – СПб. : Гуманистика, 2004. – С. 236–255.
12. Петренко, В. Ф. Многомерное сознание: психосемантическая парадигма [Текст] / В. Ф. Петренко. – М. : Новый хронограф, 2010. – 440 с.
13. Шадриков, В. Д. Мир внутренней жизни человека [Текст] / В. Д. Шадриков. – М. : Логос, 2006.
14. Шадриков, В. Д. О предмете психологии (Мир внутренней жизни человека) [Текст] / В. Д. Шадриков // Психология. Журнал Высшей школы экономики. – 2004. – № 1. – Том 1. – С. 5–19.
15. Шадриков, В. Д., Мазиллов, В. А. Общая психология [Текст] : учебник для академического бакалавриата [Текст] / В. Д. Шадриков, В. А. Мазиллов. – М. : Юрайт, 2015. – 411 с.
16. Encyclopaedia Britannica [Текст]. – L., 1963, vol. 18. – p. 486.
17. Merton R. K. Social theory and social structure. [Текст] / R. K. Merton. New York: Free Press, 1949. – 423 p.

Bibliograficheskij spisok

1. Zhuravlev, A. L., Nestik, T. A., Jurevich, A. V. Prognost razvitiya psihologicheskoy nauki i praktiki k 2030 g. [Tekst] / A. L. Zhuravlev, T. A. Nestik, A. V. Jurevich // Psihologicheskij zhurnal. – 2016. – Tom 37. – № 5. – S. 55–74.
2. Zapisnye knizhki L. S. Vygotskogo. Izbrannoe (2017) [Tekst] / pod red. E. Ju. Zavershnevoj i R. van der Veera. – M. : Kanon +, 2017. – 608 s.
3. Istoriya psihologii: period otkrytogo krizisa: Teksty [Tekst] / pod red. P. Ja. Gal'perina, A. N. Zhdan. – M. : MGU, 1992. – 364 s.
4. Lavskij, V. V. Vstuplenie [Tekst] / V. V. Lavskij // Antichnaja mudrost'. – Rostov n/D : Feniks, 2010. – S. 3–21.
5. Leont'ev, D. A. Lichnost' kak preodolenie individualnosti: kontury neklassicheskoy psihologii lichnosti [Tekst] / D. A. Leont'ev // Psihologicheskaja teorija dejatel'nosti: vchera, segodnja, zavtra / Pod red. A. A. Leont'eva. – M., 2006. – S. 134–147.
6. Mazilov, V. A. Predmet i zadachi psihologii [Tekst] / V. A. Mazilov // Obshhaja psihologija : ucheb-

nik / pod red. A. V. Karpova. – M. : Gardariki, 2002. – S. 5–23.

7. Mazilov, V. A. O predmete psihologii [Tekst] / V. A. Mazilov // Metodologija i istorija psihologii: Nauchnyj zhurnal. – T. 1. – Vyp. 1. – 2006. – S. 55–72.

8. Mazilov, V. A. Psihologija akademicheskaja i praktičeskaja: Aktual'noe sosushhestvovanie i perspektivy [Tekst] / V. A. Mazilov // Psihologičeskij zhurnal. – 2015. – Tom 36. – № 3. – S. 87–96.

9. Mazilov, V. A. Predmet psihologii: versija dlja XXI veka [Tekst] / V. A. Mazilov // Vestnik integrativnoj psihologii. – 2017. – № 1. – S. 16–23.

10. Mazilov, V. A. Nauchnaja psihologija: problema predmeta [Tekst] / V. A. Mazilov // Trudy Jaroslavskogo metodologičeskogo seminar. – Tom 2: Predmet psihologii / pod red. V. V. Novikova, I. N. Karickogo, V. V. Kozlova, V. A. Mazilova. – Jaroslavl' : MAPN, 2004. – S. 207–225.

11. Pavlov, I. P. Nobelevskaja lekcija [Tekst] / I. P. Pavlov // Nozdrachev A. D. I. P. Pavlov – pervyj nobelevskij laureat Rossii. – Tom 1: Nobelevskaja jepopeja Pavlova / A. D. Nozdrachev, E. L. Poljakov, K. D. Zelenin, E. A. Kosmachevskaja, L. I. Gromova, V. K. Bolondinskij. – SPb. : Gumanistika, 2004. – S. 236–255.

12. Petrenko, V. F. Mnogomernoe soznanie: psihosemanticheskaja paradigma [Tekst] / V. F. Petrenko. – M. : Novyj hronograf, 2010. – 440 s.

13. Shadrikov, V. D. Mir vnutrennej zhizni čeloveka [Tekst] / V. D. Shadrikov. – M. : Logos, 2006.

14. Shadrikov, V. D. O predmete psihologii (Mir vnutrennej zhizni čeloveka) [Tekst] / V. D. Shadrikov // Psihologija. Zhurnal Vysshej shkoly jekonomiki. – 2004. – № 1. – Tom 1. – S. 5–19.

15. Shadrikov, V. D., Mazilov, V. A. Obshhaja psihologija [Tekst]: učebnik dlja akademičeskogo bakalavriata [Tekst] / V. D. Shadrikov, V. A. Mazilov. – M. : Jurajt, 2015. – 411 s.

16. Encyclopaedia Britannica [Tekst]. – L., 1963, vol. 18. – r. 486.

17. Merton R. K. Social theory and social structure. [Tekst] / R. K. Merton. New York: Free Press, 1949. – 423 p.

¹ Действительно, в тексте издания «Общая психологии. Академический курс для бакалавров» [15] содержится развернутое содержание трактовки предмета психологии и терминологического аппарата, позволяющего выполнить наиболее значимые расчленения внутри последнего. Можно было бы предпринять специальное методологическое обоснование, объясняющее почему избран именно такой вариант архитектуры внутреннего мира, но этот текст по объему оказался бы сравнимым с самим текстом книги, что в нашем случае неосуществимо.